

Кирчанов Максим Валерьевич

кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры
международных отношений и регионоведения
Воронежского государственного университета
maksymkyrchanoff@gmail.com

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СР МАКЕДОНИИ
(1950–1960-Е ГГ.)**

Аннотация:

В центре настоящей статьи – проблемы формирования и функционирования политической идентичности в Социалистической Республике Македония. Автор анализирует методы и интеллектуальные практики, при помощи которых македонские националисты-интеллектуалы конструировали политическое пространство, способствуя, с одной стороны, политической модернизации, а с другой – утверждению новой идентичности.

Ключевые слова:

СР Македония, политическая модернизация, македонский национализм, политическое воображение.

Kyrchanov Maxim Valerevich

Candidate of History,
lecturer of the chair of
international relations and of regional studies,
Voronezh State University
maksymkyrchanoff@gmail.com

**PROBLEMS OF FORMATION OF
POLITICAL IDENTITY
IN SOCIALISTIC REPUBLIC OF
MACEDONIA (1950-1960-IES)**

The summary:

At the center of this article is the problem of formation and functioning of political identity in the Socialist Republic of Macedonia. The author examines the methods and intellectual practices, by which Macedonian nationalists-intellectuals constructed political space, contributing, on the one hand, to the political modernization, and on the other hand, to the assertion of a new identity.

Keywords:

Socialistic Republic of Macedonia, political modernization, Macedonian nationalism, political imagination.

Создание после завершения Второй мировой войны в составе Югославии македонской автономии в виде СР Македония стало началом нового этапа в истории македонского национального движения и развития македонской идентичности. Появление в составе Югославии македонской автономии было значительным успехом македонского национализма, создававшего относительно гомогенное македонское государство [1]. Македонские авторы начали культивировать новый образ Македонии, конструируя и создавая национальные традиции, связанные с развитием новой македонской идентичности, в рамках которой совмещались бы сельские (архаичные) и городские (модерновые) дискурсы. В настоящей статье мы остановимся на проблемах функционирования этих дискурсов в рамках македонского интеллектуального проекта. Значительное место в поэтических текстах, созданных македонскими интеллектуалами-националистами в СР Македония, занимали сельские образы, связанные с «конструированием» македонца как борца и разбойника.

Подобный «разбойничий» нарратив был характерен для классика македонской литературы Славко Яневски [2]. Свое раннее творчество, связанное с идеями борьбы за национальное освобождение, Сл. Яневски определял как «мојата песна разбојничка». На раннем этапе творческой деятельности мотивы партизанской вооруженной войны были одними из доминирующих в произведениях Славко Яневски: «Сирачиња од маки да бранам, и да гаснам в пусти села пламен, дојди, чето, заздрави ми рани и земи ме под своето знаме» [3]. Политическая экзистенция македонцев в аграрной периферии трансформируется в поэзии С. Яневски из христианского бытия в революционную борьбу, наполненную верой в победу и в создание независимой Македонии: «Донеси, синко, убава мома, жито да сее в бескрајна нива, донеси в пролет, донеси дома убава мома, Сло-

бода жива...» [4]. Македонец в этом контексте возникает как балканский воитель. Македонец – воин «со вино в една со секира в друга рака» [5], который борется за освобождение «мој народе» родного края от «вековно ропство» [6]. Мир македонца – это мир борьбы за свободу и землю: «Земјата дамна је собра, нашата песна, нашата песна, мојта клетва...» [7]. Македонец – это человек, мечтающий о своей земле: «И велми проклет да је кто не појет. За отроче и матер его – Землу...» [8]. Македонец – крестьянин, хранящий надежду на прощение («земјо прими ме таков») [9], а само бытие македонцев предстает как постоянный протест, сознательный бунт против национальной несправедливости за независимость и свободу: «И моите другари (секој од нив на бунт в срце ранет) и нив би ги сакал со шумот на нивните жили, што секоја ноќ со гроздово млеко горат од занес, тие сурови јаблани, банда по крв и било...» [10].

Македонские интеллектуалы через поэтические тексты конструировали и предлагали новые образы Македонии, способствуя национальной консолидации и укреплению македонской идентичности. Значительное внимание македонские интеллектуалы в своих произведениях уделяли проблеме постепенного отмирания старой традиционной Македонии [11], на смену которой приходит новая национальная Македония. В частности, Гане Тодоровски [12] констатировал постепенное умирание старой Македонии («...ој, Македонија, малодушна и кибарна...») на фоне национализации Скопье, который из сербской провинции трансформировался в македонскую столицу: «...за да му станеме квасец во градот, за де му станеме озон на градот, за де му станеме фермент на градо, за де му го помакедончиме Скопје...». Македонские интеллектуалы-националисты констатировали, что на смену традиционной Македонии приходит новая, современная и модерновая Македония – «...ој, Македонија, градска и социјалистичка...» – страна со своей идентичностью, политической и этнической одновременно. С другой стороны, Гане Тодоровски понимал, что авторитарная модель модернизации, которая была взята на вооружение в СФРЮ, отличается значительными противоречиями, связанными как с развитием новой македонской идентичности и культуры, так и с сохранением традиционности, которую предстояла преодолеть: «Ој, Македонијо, со пет епископи и илјади икони испокрадени. Ој, Македонијо, со сојузни министри и судбина на периферија. Ој, Македонијо... со пленуми, со црква автокефална... со први домати во Републиката, со четиренаесет академици... ој, Македонијо, со голем број неписмени, со академија на науките и уметностите...» Поэтому вердикт Гане Тодоровски не утешителен. Македония еще не создана, Македония пребывает в процессе постоянного созидания, национального конструирования и национального воображения: «Ој, Македонијо, колку ли уште ни треба за да те домаедончиме!» [13]. С другой стороны, эта незавершенность процессов модернизации и национальной консолидации предстает как одна их гарантий того, что македонский национальный проект имеет будущее.

Среди образов, связанных с концептом Македонии, особое место занимает образ, пребывающий на стыке аграрного и городского дискурсов. Это – образ Македонии как святой православной земли, страны-мученицы: «Макарие и Огнена Марија, Пароние и Пеоарија, Европие и Евдокија, Исидор и Итакија... под тебе ја соборија суви от глад и патила маченицата на Аморија... А кога во манастирот се спровре првиот зрак, несопирзмија, во олтарот се нишаше на козји нозе отец Симеон пијан. Господи и во ова лето помина најсопниот петок...» [14]. Эти религиозные образы мы находим у Славко Яневски, что весьма интересно, если принять во внимание, что в СР Македония он имел репутацию первого проводника социалистического реализма и идей классовости в македонской литературе. В текстах Блаже Конески [15] мы находим религиозно маркированный образ в виде «полночной церкви» («полноќна црква») [16]. В одном из произведений Ацо Шопова [17]

предстае «храм затворен во својата древност» [18]. Македонија во произведениях македонских интелектуалов фигурирует как единое «место памяти», где своеобразными центрами являются города, игравшие значительную роль в македонской национальной истории. Среди таких городов – Охрид. Название стихотворения Гане Тодоровски «Дојди во Охрид», как и сам текст в целом, звучит как призыв к национальному паломничеству: «Во мургите кога ги растури исток по небо то темно златистите зракои, штом сонцето тргне проблеснато, чисто по пресните следи на ноќта и мракот... тогаш дојди во Охрид...» [19].

Для националистического дискурса СР Македонија был характерен и своеобразный окцидентализм, представленный европейскими образами, призванными подчеркнуть принадлежность македонских интелектуалов к традиции европейской городской культуры: «Богохулно, грешно и без срам, сека вечер мислам покрај Сена: што би сторил да е Notre Dame, чудом млада и убава жена?.. Нема каде: преку Babylone да одлутам на Pigalle и вечер. Барем да сум само една ноќ, едно кубе на нејните плеки!» [20]. Вероятно, Ацо Шопов – один из наиболее окциденталистских македонских поэтов 1950-х годов: «По булеварот Saint-Germain верглата минува секој ден. Старата позната песна здрушено во неврат се слива. Досадна сива магла, досадна песна сива. По булеварот Saint-Germain сликарот стар е секај ден. На булеварот Saint-Germain облачен, матен, зимен ден» [21]. Не исключено, что македонские националистически ориентированные интелектуалы позиционировали себя в качестве европейцев. Европейские мотивы, в свою очередь, были призваны способствовать формированию своеобразного культурного и политического европеизма и окцидентализма. Европеизм мог играть роль и своеобразного интеллектуального протеста против авторитарного режима.

Подводя итоги, отметим, что литературные тексты, которые основывались на дихотомии аграрных и урбанистических дискурсов в СР Македонија были важным каналом для развития национальной идентичности и широко использовались для поддержания националистического дискурса в культурной и интеллектуальной жизни. В этом контексте сама македонская литература стала большим национальным проектом, претендующим на полную выработку идентичности. Поэтому в литературных текстах, создаваемых македонскими интелектуалами на македонском языке, формировался особый комплекс национально маркированных нарративов. Литература поддерживала и питала идею создания македонской независимой государственности. Литературные тексты способствовали утверждению идентичности и национализации географического пространства, состоявшего из сельских периферийных и городских центральных образов, что вело к формированию концепта новой Македонији, созданной сначала усилиями интелектуалов, а позднее через образование как важнейший канал социализации, предложенный македонцам.

Ссылки:

1. Ачкоска В. Некои демографски движенија и етнички промени во Република Македонија по втората светска војна // Македонците и словенците во Југославија / упоред. Н. Велјановски, Б. Давитковски. Скопје – Љубљана, 1999. С. 113–127.
2. Јаневски С. Пруга на младоста. Скопје, 1947; Јаневски С. Егејска барутна бајка. Скопје, 1949; Јаневски С. Песни. Скопје, 1950; Јаневски С. Лирика. Скопје, 1952; Јаневски С. Леб и камен. Скопје, 1957.

References (transliterated):

1. Achkoska V. Nekoi demografski dvizhenija i etnichki promeni vo Republika Makedonija po vtorata svetska vojna // Makedontsite i sloventsite vo Jugoslavija / ed. by N. Veljanovski, B. Davitkovski. Skopje – Ljubljana, 1999. P. 113–127.
2. Janevski S. Pruga na mladosta. Skopje, 1947; Janevski S. Egejska barutna bajka. Skopje, 1949; Janevski S. Pesni. Skopje, 1950; Janevski S. Lirika. Skopje, 1952; Janevski S. Leb i kamen. Skopje, 1957.

3. Јаневски С. Челник Пејо // Јаневски С. Песни. Скопје, 1948. С. 9.
 4. Јаневски С. Испраќала мајка чедо // Јаневски С. Песни. Скопје, 1948. С. 19.
 5. Јаневски С. Смеата на осамениот разбојник // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije / eds. P. Kepeski, Br. Glumac. Zagreb, 1979. С. 13.
 6. Конески Б. Тешкото // Там же. С. 54.
 7. Матевски М. Враќање // Там же. С. 194.
 8. Поповски А. Сије от много скрби писах // Там же. С. 232.
 9. Јаневски С. Ехо на разбојничката // Там же. С. 16.
 10. Јаневски С. Смеата на осамениот разбојник // Там же. С. 12.
 11. Ајзакс Х. Идоли на племето: Групова идентичност и политическа промяна. Софија, 1997.
 12. Тодоровски Г. Во утрините. Скопје, 1951; Тодоровски Г. Тревозни звуци. Скопје, 1953; Тодоровски Г. Спокоен чекор. Скопје, 1956; Тодоровски Г. Божилак. Скопје, 1956; Тодоровски Г. Апотеоза на делникот. Скопје, 1964.
 13. Тодоровски Г. Фуснота без повод // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. С. 156–158.
 14. Јаневски С. Фреска // Там же. С. 38, 40.
 15. Конески Б. Мостот. Скопје, 1945; Конески Б. Земјата и љубовта. Скопје, 1948; Конески Б. Песни. Скопје, 1953; Конески Б. Везилка. Скопје, 1955.
 16. Конески Б. Виј // Антологија на современата македонска поезија. Antologija suvremene makedonske poezije. С. 60.
 17. Шопов А. На Грамос. Скопје, 1950; Шопов А. Со наши раце. Скопје, 1950; Шопов А. Стихови за маката и радоста. Скопје, 1951; Шопов А. Слеј се со тишината. Скопје, 1955.
 18. Шопов А. Молитва за еден обичен но уште неpronajден збор // Там же. С. 108.
 19. Тодоровски Г. Дојди в Охрид // Там же. С. 142; Урошевиќ В. Охрид // Там же. С. 286.
 20. Шопов А. Notre Dame // Шопов А. Слеј се со тишината. С. 15.
 21. Шопов А. Верглата // Там же. С. 28.
3. Janevski S. Chelnik Pejo // Janevski S. Pesni. Skopje, 1948. P. 9.
 4. Janevski S. Isprakala majka chedo // Janevski S. Pesni. Skopje, 1948. P. 19.
 5. Janevski S. Smeata na osameniot razbojnik // Antologija na sovremenata makedonska poezija. Antologija suvremene makedonske poezije / eds. P. Kepeski, Br. Glumac. Zagreb, 1979. P. 13.
 6. Koneski B. Teshkoto // Ibid. P. 54.
 7. Matevski M. Vrankanje // Ibid. P. 194.
 8. Popovski A. Sije ot mnogo skrbi pisah // Ibid. P. 232.
 9. Janevski S. Eho na razbojnickata // Ibid. P. 16.
 10. Janevski S. Smeata na osameniot razbojnik // Ibid. P. 12.
 11. Ayzaks H. Idoli na plemeto: Grupova identichnost i politicheska promyana. Sofiya, 1997.
 12. Todorovski G. Vo utrinite. Skopje, 1951; Todorovski G. Trevozhni zvutsi. Skopje, 1953; Todorovski G. Spokoen chekor. Skopje, 1956; Todorovski G. Bozhilak. Skopje, 1956; Todorovski G. Apoteoza na delnikot. Skopje, 1964.
 13. Todorovski G. Fusnota bez povod // Antologija na sovremenata makedonska poezija. Antologija suvremene makedonske poezije. P. 156–158.
 14. Janevski S. Freska // Ibid. P. 38, 40.
 15. Koneski B. Mostot. Skopje, 1945; Koneski B. Zemjata i ljubovta. Skopje, 1948; Koneski B. Pesni. Skopje, 1953; Koneski B. Vezilka. Skopje, 1955.
 16. Koneski B. Vij // Antologija na sovremenata makedonska poezija. Antologija suvremene makedonske poezije. P. 60.
 17. Shopov A. Na Gramos. Skopje, 1950; Shopov A. So nashi ratse. Skopje, 1950; Shopov A. Stihovi za makata i radosta. Skopje, 1951; Shopov A. Slej se so tishinata. Skopje, 1955.
 18. Shopov A. Molitva za eden obichen no ushte nepronajden zbor // Ibid. P. 108.
 19. Todorovski G. Dojdi v Ohrid // Ibid. P. 142; Uroshevik V. Ohrid // Ibid. P. 286.
 20. Shopov A. Notre Dame // Shopov A. Slej se so tishinata. P. 15.
 21. Shopov A. Verglata // Ibid. P. 28.